

Дыхание на Тихвинке

Тот день на Тихвинке для меня начался с пыльного зноя и запаха нагретой хвои. Мы, несколько парнишек, отчаянно хотели на воду. Мы были ещё те неугомонные ребята. А я, пожалуй, был самым задумчивым и скромным из всей этой разудалой компании.

Мы заняли наш давний пятак на изгибе реки, где вода вымыла небольшую песчаную косу. Неподалеку, у старого покосившегося мостика, расположилась незнакомая мне девчонка. Вернее, их было трое этих девчонок. Но на других я внимание не обращал. Возможно, из-за того, что она не залазила в речку, а две другие наоборот — практически не вылезали на берег. Две её подружки — рыжая веснушчатая хохотушка и высокая блондинка в модных очках — то и дело вскрикивали, заходя в холодную воду. Но она была иная. Брюнетка с гладкими, будто лакированными, волосами до плеч, в непростом черном купальнике. Она не визжала и не игралась с подружками, а молча смотрела на течение, и в ее позе была какая-то отстраненная грусть, которая сразу привлекла мое внимание. Старый мостик и необычайная девушка.

«Нравится, да?» — подмигнул один из моих товарищ, заметив мой устремленный взгляд на девушку. Я отмахнулся, но образ девушки с темными волосами и печальными глазами врезался в память.

Речка Тихвинка после недавних ливней была полноводной и коварной. Внешне спокойная, она таила под поверхностью холодные струйные течения и водовороты у подмытых коряг. Мы ныряли, боролись с водой.

Я краем глаза следил за той компанией девушек. И вот та девушка в черном купальнике тоже зашла в воду.

Я плавал туда-сюда. Обессилел. Я подобрался ближе к берегу, чтобы предложить ребятам нырнуть за ракушками, но ребята зашли за перелесок и грелись у костра. Мне пришлось вылезти на сушу.

Я прошелся по горячему песку. Дошел до ребят. Хоть солнце и парило, но тело чувствовало холод от испаряющейся воды. Я накинул рубашку и сел вблизи костра. Ребята шутили, разливали минеральную воду.

И мы услышали крик. Это был крик о помощи. Звенивший голос повторял:

— Ааа. Она тонет. Ааа. Она тонет.

Наша компания застыла от неожиданности. Я немного замешкался, но через секунду собрался. Я побежал босиком к воде, на ходу сбрасывая мокрую рубашку, которая, как назло, прилипла к телу. Песок обжигал ступни ног, шишки под ногами больно кололи. Но это меня не останавливало.

У воды речки Тихвинки визжали девушки – рыжая и блондинка. Девушки были в истерике. Я бросился к их компании. Бежал как мог быстро на босую ногу.

Когда я подбежал к ним одна махнула в сторону реки, показывая место третьей. Той брюнетки. Но я увидел только круги на воде да пузыри, лопающиеся на темной поверхности.

Сердце ушло в пятки. Время спрессовалось в одну точку. Я кинулся в воду. Вода обожгла холодом. Я ещё не отдохнул от купания, но у меня появилось так много сил. Я плыл, не чувствуя рук и ног, видя перед собой только то место, где были пузыри. Нырнул, открыл на мгновенье глаза. Мутная зелень, ничего не видно. Всплыл, глотнул воздуху — и снова под воду, в этот раз глубже. Руки нащупали что-то шелковистое — волосы. Потом — тонкую, холодную руку. Я изо всех сил подтянул ее к себе и, отталкиваясь от илистого дна, рванул на поверхность.

Тяжело. Я помню только, что одной рукой грести тяжело. Но я грёб, грёб до самого ближайшего места, где можно было ступить ногой. Тогда я сменил руку и ещё несколько метров работая ногами и рукой приближался к берегу.

По пояс в воде меня встречала моя компания. Они подхватили девушку и вытащили на берег. А я выполз сам. Устал до смерти.

Ребята вытащили её и уложили в тень. Я добрался до них откашливаясь, и тут я впервые увидел ее лицо вблизи. Невероятно красивое и теперь абсолютно безжизненное. Бледное, как мрамор, с синевой вокруг сомкнутых губ. Ее тело было безвольно тяжелым. И тут на меня накатила волна такого бесконечного страха, гнева, ненависти и безумие. Я жуть как испугался смерти. И тут началось.

«Переворачивай её на колено!» — сказал я другу. А сам присел и выставил колено вперед.

Один парень подхватил девушку, но не смог поднять. Ему на помощь ринулся второй. Подняли. Положили животом на колено. Голову опрокинули вниз. Её рот был закрыт. Я разжал его пальцами правой руки, а левой рукой давил на живот. Мы сливали воду с лёгких. Часть воды вытекла.

«Стели плед!» — сказал указал я рыжей девчонке.

Она замешкалась, но сориентировалась и перенесла плед ближе ко мне.

Мы уложили девушку спиной на плед.

«Дыши, девчонка, дыши!» — услышал я голос друга. Он, побледневший и без своих шуток, уже звонил в скорую, голос его дрожал, но на вопросы диспетчера он отвечал исправно. Остальные смотрели на нас безумными глазами.

«А, теперь... Рот в рот, как учили. Давай!» — вслух разговаривал я с собой.

Я встал на колени, отвел ее голову назад, зажал ей нос и сделал первое вдувание. Холодные губы. Полная тишина в ответ. Внутри меня все сжалось в ледяной ком.

«И ещё раз!» — успокаивал себя я.

«Нет пульса!» — слышал я голос друга.

Я сделал второе вдувание. Потом начал непрямой массаж сердца, считая ритм. Руки дрожали. В голове стучало: «Живи. Просто живи. Девчонка».

И вот, после очередного нажатия, ее тело вздрогнуло, выгнулось неестественной дугой, и из приоткрывшихся губ хлынула мутная речная вода. Послышался хриплый, разрывающий горло кашель — самый прекрасный звук на свете. Она дышала! Судорожно, тяжело, но дышала. Ее глаза открылись, в них плавал животный ужас и полное непонимание. Она смотрела на меня, но не видела.

Когда приехала скорая и увезла ее, мы молча сидели на песке в тени ивы. Мы все еще были во власти пережитого кошмара. Мужество каждого из нас было не в отсутствии страха, а в том, чтобы, загнав этот страх глубоко внутрь, делать то, что должно. Те две девушки тоже уехали с ней.

Вечером я не находил себе места. В ушах стоял тот хриплый кашель, перед глазами — ее бледное лицо. Я пошел по набережной Тихвинки.

Чудо. Эта девушка сидела на старой скамейке, одинокая, закутанная в большой серый свитер одна и без подруг. Ее гладкие темные волосы переливались от света ближайшего фонаря. Услышав мои шаги, она обернулась. И в этот раз ее взгляд был осознанным.

«Я тебя помню, — тихо сказала она. — Ты... ты тот парень».

Я кивнул, не в силах вымолвить слова, и сел рядом. Я вообще очень скромный человек. Никогда не заговорю первым, промолчу. Я, наверное, трус и прошёл бы мимо. Но она заговорила первая и я решил подхватить диалог.

«Меня Алиной зовут», — представилась она, и ее голос, тихий и хриплый после сегодняшнего, показался мне самым мелодичным звуком.

Мы разговаривали с Алиной до тёмной глубокой ночи. Она рассказала, что тогда, решила переплыть на другой берег, но у неё свело в холодном течении ногу. А потом и вторую. А я рассказал о своем страхе, о том, как ребята сумели собраться.

Мы с ней не договорились о новой встрече. Мы просто поняли, что она неизбежна. Так и случилось. Мы встретились на следующий день в торговом центре. Потом еще в аптеке и еще, и еще.

С того дня на Тихвинке прошло много лет. А Алина, моя жена темноволосая Алина с гладкими волосами и лучистыми глазами, в которых больше нет той грусти, каждое утро напоминает мне, что самое страшное в жизни иногда оборачивается самым прекрасным. Мы больше никогда не расставались, словно та самая река, едва не разлучив нас навсегда, наоборот, навеки связала наши судьбы.

Материалы с сайта Мегасказ <https://megaskaz.ru/>